

ПЕРСОНА
ДИАЛОГ

У нас был театральный самиздат

КТО НАС ПАСЕТ?

Наш разговор с художественным руководителем театра «У Никитских ворот» Марком Розовским начался

с вопроса о его последней постановке, посвященной памяти отца Александра Меня.

Ян СМЕРНИЦКИЙ

— Вы знали его? Почему вы «подняли» этот образ?

— Нет, я его не знал, не был его учеником. Но он даже после смерти своей продолжает реально, конкретно и существенно влиять на людей, в том числе и на меня. Хотя я не считаю себя верующим человеком. Но меня интересуют герои...

— Герои? То есть он для вас — герой?

— Отец Александр? Конечно, через сотню лет, а может, и раньше, его, уверен, возведут в святые. А пока он — герой в чисто театральном смысле. Я понимаю всю вульгарность игры, изображения Александра Меня на сцене, поэтому у меня нет актера, который играл бы его роль. Когда-то боялись играть Ленина, Сталина, но все-таки были созданы сии знаковые фигуры в искусстве сопереживания. Этим путем я идти не хотел. Я не хотел создавать некую биографическую пьесу. Но опирался на документальную основу, учитывая тот факт, что наша публика весьма забывчива, имеет короткую память. Вся беда в том, что общество было заражено, и только лучшие люди Отчизны, извините за высокопарные слова, исполняли свой человеческий долг благодаря тому, что они были... чужды своему народу, они чужды черни, всей этой толпе! Эти люди брали на себя всю вину и все страдания...

— Вы на себе когда-нибудь ощущали это состояние?

— Что значит «ощущал»? Я пытался на протяжении всей своей жизни творить честно. Я всегда считал себя свободным.

— Даже от цензуры и от власти?

— Но она же указывала путь. В меру своих сил писал что-то, зачастую в стол... Театр «Наш дом» закрыли в декабре 1969 года за антисоветчину, потом я многие годы был безработным и, мало того, мое имя было запрещено упоминать. Меня как бы и не было. Хотя меня не посадили, как некоторых моих друзей, — они-то как раз и были настоящими героями, их забирали в тюрьмы и психбольницы...

— Ломали?

— Что значит «ломали»? Надо знать, что такое наш лагерь. Это место уничтожения, а не перевоспитания. Да, может, что-нибудь и шел на сделку со своей совестью в такой ситуации, но осуждать их я бы не стал. Когда другому больно, а тебе нет, то прими эту боль так же, как они, — тут-то и начинаются для тебя главные испытания. Поэтому я не люблю, когда ругают шестидесятников: да, среди них были и приспособленцы, но... А сегодня у многих я наблюдаю тоску по советской системе — они просто являются фантомами этой системы!

— Была публикация в газете «Русская мысль» по поводу премьерного спектакля. И возник вопрос: так почему же все-таки общество убивает священника?

— Потому что общество большое. Причем болезнь прогрессирует.

— Что же будет?

— Это не я вам должен отвечать.

— А кто? Вы как деятель культуры...

— Нас ждет Апокалипсис, то самое «царство зверя». Все признаки налицо. Например, если сегодня в Московском университете защищает диссертацию некто на букву «Ж» и ученый совет рукоплещет, то я могу только развести руками и сказать, что Московский университет в очередной раз себя опозорил. Когда Фет, проезжая мимо университета, высовывался из пролетки и трижды плевал в сторону здания... Если бы Фет узнал про господина «Ж», ставшего доктором наук, он заплел бы МГУ до крышки, до самого шипя!

— Ваше отношение к политической действительности?

— Массы, как я слышал, требуют сильной руки. Массы избирают Президентом человека, который краугольным камнем

своей политики делает силовое давление на тех, кого считает своими противниками... Не подумайте, что я говорю о Путине как его противник: у меня еще теплится какая-то надежда, но с каждым днем она все больше тает и тает. Если Путин хочет строить сильное демократическое государство, которое он провозгласил, прежде всего пусть протянет руку демократам.

— Демократы были у власти и все провалили. У них был шанс...

— Они ничего не провалили: с одним шансом ничего не сделаешь! Если бы после победы над гитлеровской Германией у господ Эрхарда и Аденауэра в парламенте было бы большинство гитлеровцев, то они бы ничего не сделали и немцы не имели бы ФРГ, понимаете? Что дали демократам? Девять месяцев правления, построенного на борьбе одной системы с другой! И то Гайдар был «и.о.»...

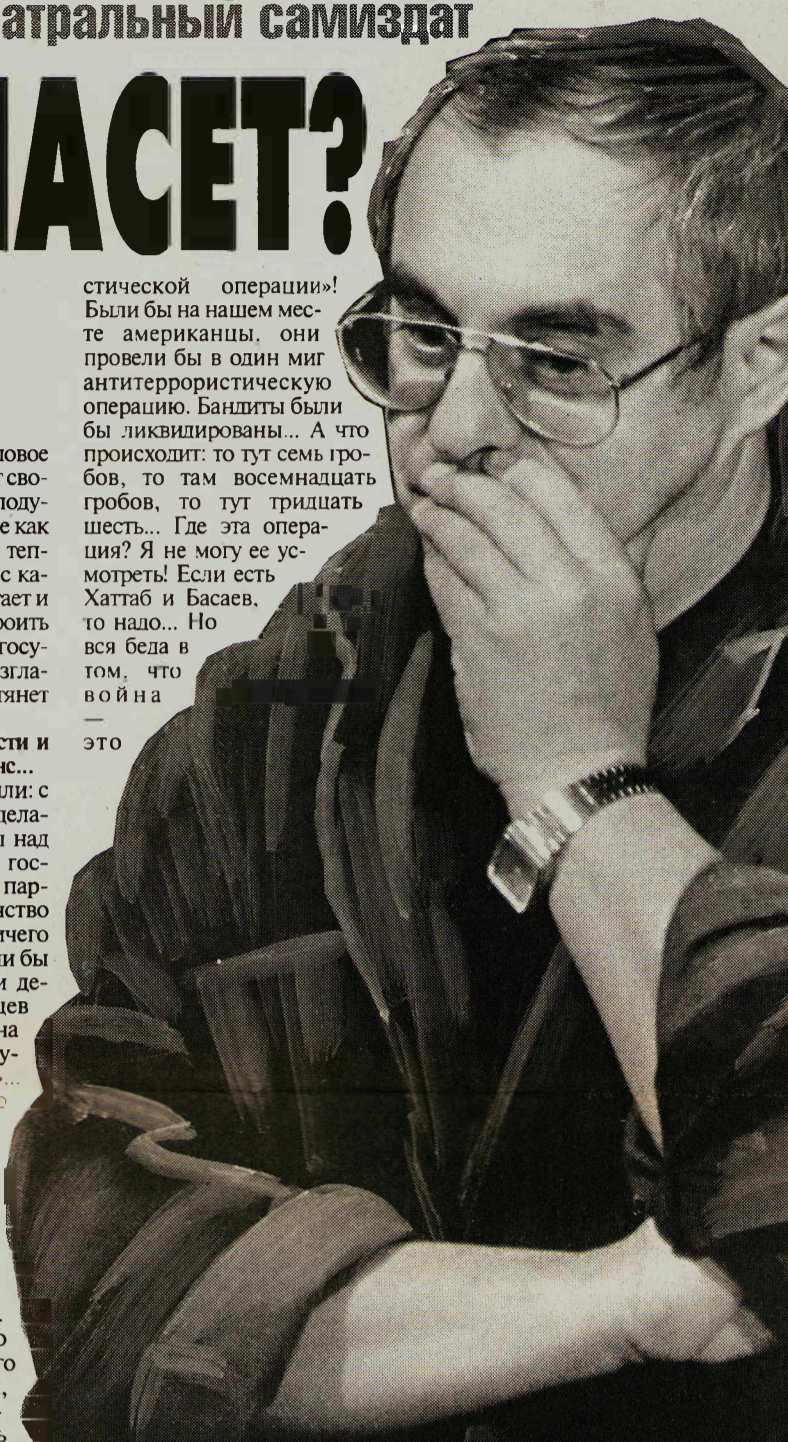
И все хорошее, что было сделано, — было сделано именно тогда. Была спасена Россия от полного разрушения и голода, потому что оставалось продовольствия где-то на три дня, а где-то — на три часа. Да, был отпущен рубль. И возник в нашей жизни доллар. Это было сделано тогда, но после этого никто уж ничего не сделал: ни Черномырдин, ни следующие... Но демократами была сделана лишь одна сотая того, что они могли бы сделать, если бы им не вставляли палки в колеса истории. И этот процесс будет длиться еще сто лет. Еще пять поколений станут заложниками этого посткоммунистического пространства. Вель как Зюганов говорит: мы — за Путина, но против программы Греха. Да тогда что Путин, что не Путин — все равно будет голодуха.

— Вы в Чечне были?

— Да, в детские годы, когда меня бабушка, спасая от немцев, везла из Анапы через Грозный в Махачкалу. Мне было четыре года. Моя русская бабушка Александра Даниловна Губанова спасла меня от бомбежки на станции Тоннельная, она меня накрыла своим телом и в этот момент получила ранение в ногу — осколок бомбы. Это бомбили наш поезд. И все же она довезла меня до Москвы. Тут можно многое вспомнить. Мы приехали в Красноводск, жили сорок дней на улице, и там у нас украли последний чемодан... А бабушка меня не бросила: она должна была попасть в госпиталь, а я — в детский дом. А у нее была идея-фикс — привезти меня в Москву к своей дочери. В Анапу мы приехали 17 июня 1941 года отдыхать, а 22-го началась война. Анапа была в те годы детским курортом... Потом бомбежки смели город с лица земли, там были страшные бои. Я как раз не разделяю иронии людей в адрес Малой Земли только потому, что это связано с Брежневым. Там была такая мясорубка! Такая кровавая каша! Там столько людей наших полегло! У меня был товарищ — писатель Миронов, он постарше меня, но слишком был известный писатель, но очень хороший человек, фронтовик. Я у него однажды спросил: «Что у тебя было самого страшного на войне?» Он говорит: «Самое страшное — это рукопашная схватка, недалеко от Малой Земли, тоже под Новороссийском, между Анапой и Туапсе. Представь себе — лето, жара, море Черное! Как говорится, птички поют, кузнечики стрекочут... А нам выдали по 150 грамм водки, нас — пятьсот человек и их — восемьсот или тысяча. И мы с ножами на них! И я до сих пор слышу этот вой — мат, немецкая речь, хрип, сип, и мы пятьсот — на восемьсот! Представляешь, что это такое!» Вот это война! Война — это не стихи о войне и не кино о войне. Это резня, массовое кровопролитие. И в Чечне идет самая настоящая резня, там творится злодеяние. Нет там никакой «антитеррори-

стической операции!» Были бы на нашем месте американцы, они провели бы в один миг антитеррористическую операцию. Бандиты были бы ликвидированы... А что происходит: то тут семь гробов, то там восемнадцать гробов, то тут тридцать шесть... Где эта операция? Я не могу ее усмотреть! Если есть Хаттаб и Басаев, то надо... Но вся беда в том, что война

это

Марк РОЗОВСКИЙ: Нас ждет Апокалипсис

не кровь, кровь — это для нас, для обыкновенных людей, но она же ничего не стоит! А война — это деньги. Большая война — большие деньги. Но иногда маленькая война может давать большие деньги. Эта война нужна тем, кто здесь и там получает за нее очень большие деньги. И это никогда не закончится. Это как ремонт. Вот это мое звание можно полностью отремонтировать за три месяца — дать деньги и сделать. Но мне будут выделять эти деньги на протяжении десяти лет, они, естественно, станут утекать в разные стороны, и ремонт будет длиться десять лет. И так же война, пока не будет вырезана сама раковая опухоль.

— Что вы имеете в виду?

— Под раковой опухолью я имею в виду раковую опухоль.

— От кого сегодня зависит ваш театр?

— Мы в детстве зависели от тех средств, которые нам выделяет московское правительство, Главное управление культуры Москвы. Мы начинали как хозрасчетный театр, в 1991 году нам сказали, что эксперимент закончился нашей победой, удался, мол, мы выжили, и теперь нас будут содержать. Мой принцип очень простой: я никогда ни с кем не борюсь, я просто ставлю перед фактом. Кстати, наш театр — это бывшая коммунальная квартира. От этой стенки до вон той были комнаты, система коридорная: на тридцать восемь комнаток всего одна уборная... Помню, мне дали бумажку и сказали: вот тебе театр, и ни одного рубля! Помню, как мы начали играть спектакли и, следовательно, надо было тотчас платить зарплату. Выписать зарплату можно было только в том случае, если у театра есть своя печать. А мы приходим — нам говорят: печать через четыре месяца: «Сейчас у нас большая очередь, большая очередь, в общем, только через четыре месяца». А как платить?!

«Мы ничего не знаем, пошел вон!» Мы пошли вон на другую сторону улицы, купили четыре бутылки коньяка. Снова заходим, держим эти четыре бутылки за спиной. «Мы снова, извините, но нам нужны печати завтра!» Ап, вынимаем руки из-за спины и с шумом ставим эти бутылки на стол. Чиновник берет их за горлышки, убирает под стол и говорит: «Завтра не получится! Через четыре дня!» Так создавался театр «У Никитских ворот».

— Марк Анатольевич Захаров достигал своего иными методами?

— Да уж! Видите ли, мой тезка Марк Анатольевич в свое время сжег партбилет, а мне-то и сжигать было нечего — я «в ей» и не состоял. Сейчас многое стали забывать! Забыли, что Викток ставил «Возрождение» в Малом театре, что Васильев был худруком спектакля о Ленине во МХАТе, я уж не говорю о Товстопогове или Любимове. Мы этого в студии «Наш дом» никогда себе не позволяли. Уж если и был театральный самиздат, то это были мы!

— Кагэбэшники угрожали вам расправой?

— В студенческие годы меня не вызывали в КГБ, но стукачей, конечно, подсылали, а когда мы издавали альманах «Метрополь», у нас был человек по прозвищу Пенек, который «курировал» нас, он отвечал за Гришу Горина, Витю Славкина и меня, то есть за «молодых» сорокалетних драматургов. Такой милый человек! С Пеньком было много душевных бесед, он приходил в дом, с ним надо было пить водку... Он был сотрудником ВААП, а главой — генерал КГБ Ситников, который имел штат этих самых «кураторов», поэтому все писатели были разобраны пофамильно. Нас постоянно «пасли». Сегодня нас тоже кто-то «пасет».

— Даже сегодня?

— И сегодня! Я имею в виду: «всех нас» кто-то пасет? Или вы не знаете — кто?